

На правах рукописи

Гусарова Ксения Олеговна

Каноны красоты и гигиенические стандарты
в культуре России 1890-1910-х годов

Специальность 24.00.01 — Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

4842993

Гусарова

Москва — 2010

Работа выполнена в Институте высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук Вайнштейн Ольга Борисовна

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор Гофман Александр Бенционович
кандидат филологических наук, доцент Алябьева Людмила Анатольевна

Ведущая организация:

Российский институт культурологии

Защита состоится «27» декабря 2010 года в 14 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.198.06 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: ГСП-3, 125993 Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: ГСП-3, 125993 Москва, Миусская пл., д. 6.

Автореферат разослан «25» ноября 2010 года

Ученый секретарь совета,
кандидат культурологии, доцент

Е.Г.Лапина-Кратасюк

Общая характеристика работы

Настоящая диссертация посвящена проблематике телесности в отечественной культуре рубежа XIX-XX веков, в первую очередь социально-репрезентативным функциям тела.

Актуальность работы обеспечивается связью с современным научным контекстом. Исследования телесности в настоящее время являются одной из наиболее динамично развивающихся областей гуманитарного знания. Анализ изменения гигиенических стандартов, белья и костюма, практик ухода за собой активно осуществляется западными учеными с конца 1970-х годов, а в последнее десятилетие привлекает все большее внимание отечественных исследователей. Обращение к подобной проблематике является важным симптомом эпистемологического поворота современной науки к междисциплинарности: рассматриваемое в исторической и социокультурной перспективе тело являет пример объекта, который не может быть сконструирован в рамках какой-либо одной из традиционных дисциплин.

Научная новизна исследования определяется переносом внимания с телесных практик как таковых на дискурсы и культурные коды, которыми они регулируются. Дискурсивное измерение телесности в контексте отечественной культуры в последние годы получило некоторое освещение на раннесоветском материале (О.Гурова, Т.Дашкова, Г.Орлова и др.), однако применительно к рассматриваемому периоду изучается впервые.

Предметом исследования является социальный код «нормальности» в применении к телесному облику и практикам его моделирования. В действии этого кода выделяются два основных аспекта: эстетический и гигиенический, каноны красоты и стандарты чистоплотности. **Объектом изучения** выступают косметические практики, бытование которых отражает одновременно актуальную конструкцию привлекательности и взгляды на чистое и грязное.

Цель исследования — выявление взаимосвязи канонов красоты и гигиенических стандартов, существовавших в культуре России 1890-1910-х годов; анализ механизмов производства телесной нормы.

Поставленная цель определяет ряд конкретных задач, решаемых в работе:

1. реконструировать бытовавшие в рассматриваемый период практики ухода за собой, проследить их динамику;
2. проанализировать направлявшие их нормативные предписания;
3. рассмотреть контексты, в которых осуществлялось производство нормы (институты, типы текстов и т.п.), и связанные с ними способы легитимации.

Данные задачи последовательно решаются применительно к канонам красоты и гигиеническим стандартам рассматриваемого периода.

Структура диссертации: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Членение на главы отражает два аспекта, в которых рассматривается предмет исследования: эстетический и гигиенический. Главы, в свою очередь, разбиты на тематические разделы в соответствии со спецификой и внутренней логикой каждого из аспектов.

Материал исследования. В соответствии с предметом исследования основная масса источников призвана представить гигиенические и эстетические нормы, существовавшие в культуре рассматриваемого периода. Эти тексты и документы можно разделить на две основные группы: с одной стороны, материалы, содержащие предписания и рекомендации, и с другой стороны, свидетельства, в которых отражена индивидуальная рецепция подобных правил и представлений о должном.

Первая группа наиболее многочисленна, она включает в себя всевозможные пособия и руководства, в изобилии выпускавшиеся на рубеже веков. Среди них следует отметить особо такой тип источников как

самоучители по сценической гримировке, позволяющие сопоставить нормы сценической репрезентации и «обычного» социального взаимодействия.

Для того чтобы соотнести декларируемые стандарты с неписаными правилами, которыми регламентировалась повседневная жизнь, были привлечены мемуары и произведения художественной литературы. Сопоставление данных, взятых из обеих групп источников, позволяет в значительной степени преодолеть ограничения, присущие каждой в отдельности, получить более полную и неоднозначную картину.

Кроме того, в настоящем исследовании был использован ряд неопубликованных источников. Документы из архива Товарищества Высшей парфюмерии А. Ралле и К^о (ЦИАМ. Ф. 1098) и «Парфюмерии Модерн» (ЦИАМ. Ф. 1218) позволяют изучить участие производителей парфюмерии и косметики в формировании канонов красоты и гигиенических стандартов. Архив Московского Врачебного управления (ЦИАМ. Ф.1) содержит материалы, отражающие процессы государственного контроля над индустрией красоты, наиболее жесткие нормы, от которых отталкивались все прочие предписания.

Анализ канонов красоты требует привлечения не только документальных, но и визуальных источников. Так как для данной работы большое значение имеют массовые представления, в фокусе исследовательского интереса находится прежде всего эстетика тиражируемых изображений, таких как открытки и рекламные плакаты, а также товарная упаковка.

Степень научной разработки проблемы. В исследованиях телесности представляется возможным выделить несколько направлений, из которых, в соответствии с методологией настоящей диссертации, хотелось бы подробнее остановиться на двух. Первое помещает в фокус исследовательского внимания практики, связанные с «социализацией» тела, его приведением к социокультурной норме, характеризующей определенную историческую эпоху. Объектом изучения в этом случае выступает тело как таковое, вернее,

его изменчивые границы и способы их демаркации. Данное направление связано в первую очередь с французской исследовательской традицией, с интеллектуальным наследием третьего поколения Школы «Анналов», и представлено именами таких историков как Ален Корбен, Жорж Вигарелло, Филипп Перро.

В рамках этого направления был введен в научный оборот весьма богатый и разнообразный материал, и выводы, сделанные вышеупомянутыми исследователями, сохраняют свою актуальность, несмотря на то, что основной корпус их работ был создан в конце 1970 – начале 1990-х годов. Однако со временем обнаружились и некоторые ограничения, связанные с подобным подходом. Преимущественное внимание, уделяемое практикам, предполагает эволюцию данной исследовательской традиции лишь в сторону большей детализации, уточнения нюансов, поиска прежде неизвестных источников, исключая постановку принципиально новых проблем.

Другой возможной линией развития является обобщение накопленных сведений и их популяризация, что, по всей видимости, встречает широкий спрос в современной массовой культуре. Примером может служить недавно выпущенная Жоржем Вигарелло «История красоты», в которой, при высочайшем уровне научной добросовестности, все же прослеживается тенденция к упрощению. Появление в том же году одноименной книги Умберто Эко, не говоря о многочисленных работах менее известных авторов на ту же тему, свидетельствует о востребованности подобной интеллектуальной продукции, представляющей современную научную норму, и в то же время доступной для развлекательного чтения.

Преодолеть тенденцию к популяризации и исчерпанию возможных тем позволил бы лишь принципиальный пересмотр методологии исследования. Одной из эффективных стратегий представляется перенос акцента с практик на направляющие их дискурсы, осуществленный в рамках второго крупного направления в изучении телесности, о котором необходимо сказать в связи с проблематикой данной диссертации. Его методологической основой

послужили работы М.Мюссса и Н.Элиаса, созданные в 1930-е годы, а также теоретические изыскания М.Фуко. В свете предложенных последним подходов сама идея нормы телесного поведения и самопрезентации остро обнаружила свой репрессивный характер.

Радикализм позиции Фуко разделяется немногими авторами, однако идея вписанных в тело властных отношений сделалась практически неустранимой из широкого спектра современных исследований телесности. Не только история медицины и гигиены, но и «эстетические» аспекты восприятия и моделирования тела начали рассматриваться как проявления социального принуждения, структуры которого прослеживаются в языках описания внешности и телесных практик, их классификациях, регламентациях. Наиболее ярким примером может служить история костюма и моды, традиционно связанная с искусствоведением, и лишь в последние десятилетия получившая рассмотрение в других контекстах. Идея красоты, воплощенная в конструировании модного тела и отражающая социальные требования и представления о норме, стала предметом анализа в работах Валери Стил и представителей исследовательского сообщества, группирующегося вокруг журнала *Fashion Theory* (К.Бруард, П.Макнил, Э.Уилсон, К.Эванс, А.Рокамора и др.) — а также, в последние годы, его русского аналога.

Отечественные исследования костюма и моды в недавнее время развивались в значительной степени по сходному пути: от эстетической проблематики к социально-политической. Определенные изменения претерпел и их объект, который уже не сводится к предметам одежды и аксессуарам, но включает в себя способы их ношения и другие «техники тела», связанные с публичной самопрезентацией. Практики ухода за собой, косметическая культура, использование духов и благовоний и тому подобные незримые атрибуты модного поведения и моделирования тела также привлекают все большее внимание исследователей.

Примечательно, что современные исследования о косметике (К.Пэйс, М.Мораг) фокусируются в первую очередь или исключительно на эстетическом каноне, выявляя его социокультурную и политико-идеологическую подоплеку. В то же время работы, посвященные гигиеническим нормам, затрагивают тематику красоты в лучшем случае косвенно. Соединение этих сюжетов обнаруживается лишь в классических трудах Перро, Корбена и Вигарелло, причем их нерасчлененность не в последнюю очередь связана с преимущественным вниманием, уделяемым практикам, в ущерб систематическому анализу стоящих за ними дискурсивных формаций. Между тем, противоположный подход сам по себе отнюдь не отменяет единства эстетического и гигиенического аспектов, но напротив, позволяет восстановить его на новом уровне.

Потенциал изучения культурной истории косметики, как представляется, в значительной степени обусловлен именно возможностью на этом материале проявить взаимосвязь разных сторон или составляющих социальной нормы, например, рассмотреть гигиену как часть системы моды. Настоящее диссертационное исследование являет собой попытку соединить то, что нам видится взаимодополняющими и взаимообусловленными параметрами телесности, определяемыми зачастую одними и теми же структурами визуального восприятия, (квази)научными знаниями и соображениями «здорового смысла», моральными установлениями, отношением к Другому.

Методологическая основа диссертации. Междисциплинарный характер исследования обусловил необходимость привлечения методологического инструментария различных гуманитарных и социальных дисциплин. Большое значение для настоящей диссертации имели антропологические подходы, разработанные Н.Элиасом и М.Дуглас для изучения символического наполнения повседневных ритуалов и их связей со структурами власти. В теоретическом обеспечении работы важную роль сыграли социологические модели, предложенные И.Гофманом (социальное

взаимодействие как театрализованное представление), П.Бергером и Т.Лукманом («реальность» как социальная конструкция).

Специфика рассматриваемого периода определяется в работе с опорой на теории «модерна», от классических работ Г.Зиммеля, З.Кракауэра и В.Беньямина до интерпретации этой концепции в работах современных отечественных исследователей (О.Б.Вайнштейн, О.В.Гавришина, Б.В.Дубин и Л.Д.Гудков, Н.Н.Козлова, А.Фоменко и др.).

Анализ визуальности, составляющий значительную часть настоящей диссертации, осуществляется с опорой на приемы и методы, разработанные в русле семиотической традиции столь разными исследователями как Р.Барт, Ю.М.Лотман, М.Б.Ямпольский. Внимание к повседневным практикам и материальной среде в их исторической изменчивости предполагает отсылку к культурноисторическим исследованиям, посвященным подобной проблематике: от уже упоминавшихся классических трудов Ж.Вигарелло, Ф.Перро и А.Корбена до более современных и разнообразно теоретически оснащенных работ К.Пэйс, В.Стил, О.Б.Вайнштейн.

При этом структура предмета исследования в настоящей диссертации выстраивается с применением «археологического» метода, предложенного М.Фуко. Этот подход предполагает разъятие мнимой целостности дискурса, выявление дискретных элементов, а не выстраивание преемственных связей. В настоящей работе метод «археологии» применяется как к языковым объектам, так и к практикам, историческая динамика которых являет в этом случае более сложную картину.

Научно-практическая значимость исследования выражается в возможности использовать его результаты в общих и специальных курсах по истории российской и европейской культуры, истории культуры повседневности, истории телесности и истории моды, а также в учебных пособиях.

Апробация результатов работы. Основные результаты исследования были представлены в докладах автора на конференции «Женское тело в

контексте публичной истории» Канадской ассоциации по проблемам женщин в публичной истории (Оттава, 7-9 ноября 2008 г.; доклад зачитан заочно), международной научной конференции «Концепт еды в славянских культурах» (Институт славяноведения РАН, 2-4 декабря 2008 г.), научном семинаре Института высших гуманитарных исследований (РГГУ, 23 октября 2009 г.), конференции «Современные методы изучения культуры» (Кафедра истории и теории культуры РГГУ, 14-15 апреля 2010 г.), круглом столе журнала «Теория моды: Одежда. Тело. Культура» (Москва, 3 июня 2010 г.). По теме диссертации опубликован ряд работ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Практики ухода за собой всегда направлены на приведение тела в соответствие с определенными социальными ожиданиями. Базовые требования, предъявляемые к внешности, могут иметь форму медицинских предписаний, стандартов чистоплотности, критериев цивилизованности, принятых в данном обществе канонов красоты. За подобными формальными и контекстуальными различиями скрывается общая символическая структура, основанная на разграничении нормы и отклонения.
2. Представления о норме исторически изменчивы, в них отражается расстановка сил в обществе, размывание или укрепление границ между социальными группами, появление новых каналов и способов распространения информации и многие другие факторы. В свою очередь динамика норм и стандартов обуславливает изменение повседневных телесных практик, которое может быть весьма значительным даже на относительно небольшом хронологическом отрезке, однако всегда имеет постепенный характер.
3. Относительность принятых стандартов крайне редко становится предметом рефлексии для современников, так как в каждый конкретный исторический момент она оказывается встроена в

конструкцию «естественного», самоочевидного. В российской культуре рассматриваемого периода в большинстве случаев основой для легитимации норм служит понятие «природы», используемое для отсылки ко всем признанным закономерностям, от физических до эстетических.

4. Производство телесных норм в культуре России 1890-1910-х гг. было связано одновременно со множеством социокультурных институтов, каждый из которых лишь отчасти определял сложившийся канон. Подобная рассеянная структура позволяет объяснить высокую подвижность стандартов и вместе с тем их кажущуюся преемственность.
5. Соответствие представлениям о «нормальности» выявлялось в первую очередь на основании внешнего впечатления. Нормативное моделирование тела предполагало, таким образом, прежде всего определенную настройку взгляда, в частности, усвоение и интериоризацию параметров «естественного».

Представляется весьма продуктивной задачей для дальнейших исследований проследить, как осуществляются самоочевидные для современников переходы от наблюдаемых визуальных эффектов к ценностному содержанию, поскольку в этом выражается работа основополагающих культурных кодов.

Основное содержание работы

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы, описана разработанность проблемы, классифицированы источники исследования, определены его предмет, объект, цель, задачи и хронологические рамки, отражена научная значимость исследования и возможности практического применения его результатов, а также раскрыта структура диссертации.

В Первой главе (*«Красота: универсализация и дифференциация эталонов»*) анализируются режимы визуальности, связанные с конструированием идеала внешности в культуре России 1890-1910-х гг. Эстетическое суждение представляется одним из основных и первичных способов восприятия и оценки наружности, однако, вопреки мнению некоторых исследователей, оно не определяется биологическими константами, а представляет собой социокультурную конвенцию. Рассмотрение этого аспекта телесной нормы, таким образом, может служить парадигмой для анализа других языков описания тела.

В первом разделе (*«"Новая женщина": красоты и эмансипация»*) рассматривается социальная динамика, предопределившая изменение требований, предъявлявшихся к внешности во второй половине XIX – начале XX века. Прежде всего речь идет о новой роли женщин в жизни общества: их растущей профессиональной занятости, мобильности, присутствии в публичных пространствах, участии в новых формах досуга и потребления. Анализируются типы реакций на появление подобных возможностей со стороны самих женщин, их современников-мужчин и «гендерно нейтральных» голосов, артикулирующих социальную норму на страницах пособий по этикету и других аналогичных источников. Представления о красоте, связанные с конструкцией женственности, претерпевали постепенный пересмотр, по мере того как размывались и трансформировались традиционные для женщин социальные роли.

Вместе с тем в параграфе затрагиваются и более общие процессы, связанные с формированием особой среды крупных городов и диктуемых ею преимущественно анонимных условий коммуникации. В этой ситуации внешняя презентация приобретала ключевое значение в качестве формы высказывания, и социальное взаимодействие уподоблялось сценическому представлению, где каждый участник выступал одновременно актером и зрителем. В рассматриваемый период театр, обладая огромным культурным авторитетом, в то же время превращался в массовое зрелище, — и таким

образом, мог служить моделью не только в абстрактно-теоретическом, но и в прикладном смысле. Сценическое действие обладало статусом «идеальной реальности»: отражая актуальные нормы и представления, оно выступало как дидактический и эстетический образец, — что на уровне моральных обобщений вполне осознавалось современниками, но на уровне техник тела и настроек визуального восприятия лишь недавно начало привлекать внимание исследователей.

Во втором разделе (*«Внешность как текст: физиогномика и театральность»*) анализируются бытовавшие в рассматриваемый период представления о внешности как о доступном для дешифровки тексте. В центре внимания находятся системы физиогномических толкований и в первую очередь значения, приписывавшиеся чертам лица. К концу XIX века физиогномика инкорпорировала весьма широкий спектр сведений из области анатомии и физиологии; большое значение приобрели теории, согласно которым интерпретативный потенциал наружности были связан не столько с врожденными данными, сколько с их изменениями в процессе приспособления организма к внешним условиям. При подобном подходе наиболее значимыми приметам на лице оказывались мимические морщины и преобладающее развитие определенных частей, вызванное работой лицевых мышц. Таким образом, на первый план выходило понимание внешности как продукта отчасти целенаправленного, но в значительной степени неосознанного моделирования — предпосылка, крайне важная для анализа отношения к красоте в рассматриваемый период.

Не только механизмы кодирования информации на теле начали представляться более сложными, но и сам характер подобных «сообщений» стал значительно более дифференцированным. С античности до раннего Нового времени внешность подвергалась преимущественно моральному истолкованию, предположительно отражая страсти, пороки и преобладающие наклонности натуры. В рассматриваемый период отпечаток «нравственных свойств» на лице и фигуре по-прежнему вызывал

первостепенный интерес, однако кроме того стало считаться возможным вычислить по наружности социальные характеристики индивида, такие как происхождение, положение в обществе и род занятий. Все большее значение придавалось знакам здоровья и симптомам болезней; особое внимание уделялось приметам «вырождения» — влияние теорий социального дарвинизма и евгеники, набиравших популярность на рубеже веков.

Таким образом, физиогномическое знание в рассматриваемый период приобрело ярко выраженную специфику, связанную с условиями обществ «модерна». Несмотря на появление подобных принципиально «современных» аспектов, физиогномика в значительной степени продолжала базироваться на античных типологиях. Логика физиогномического знания предопределяла единообразие канона красоты: прекрасная внешность соответствовала добродетельной и гармоничной натуре, и подобно тому как не предполагала вариаций моральная норма, бытовавшие в массовой культуре до начала XX века эстетические предпочтения обладали относительной монолитностью.

Вместе с тем потенциал для возникновения более дифференцированных представлений о привлекательной внешности также представляется возможным связать с физиогномикой. Созданные в рамках этой системы знаний классификации и языки описания впоследствии были присвоены дискурсом модных журналов и косметологии, причем некоторые черты и особенности сохранили значение «недостатков», в то время как другие лишились первоначальных коннотаций и начали рассматриваться как отличительные элементы типов красоты.

Если во втором разделе продолжается рассмотрение театра как источника нормативных представлений о теле, то в **третьем разделе («Живопись как “техника красоты”»)** анализируется аналогичная роль живописи. Последняя выступает ключом к эстетическому восприятию реальности, так, в частности, выявляется опосредованность «естественной» красоты конвенциями академизма. Закономерным образом техники,

позволявшие приблизить лицо к этому идеалу, были тесно связаны с живописью. В параграфе подробно рассматривается заимствование примерами художественных материалов, инструментов и приемов, а также восприятие грима и макияжа как «живописи по лицу».

Характерная для академической традиции манера письма, с которой был напрямую связан канон красоты, скрывала красочные мазки, растворяя их в сплошной гладкой поверхности, что в значительной степени нивелировало зримое многообразие фактур. Аналогичным образом использование лессировки для гармонизации колорита позволяло сгладить контраст цветов, придавая им некое «идеальное» качество. Эти техники были непосредственно востребованы для приведения лица к эталону, так как природная «неровность» фактур и оттенков кожи воспринималась как эстетический изъян, требовавший исправления.

Тенденцию к сглаживанию контрастов и устранению несовершенств можно проследить и на уровне выбора сюжетов, предметов изображения и способов их показа. Работающий в живописи своеобразный эстетический «фильтр», определяющий пределы изобразимого, распространялся и на театр и другие визуальные искусства. При этом в массовой культуре его действие было наиболее жестким. Репродукции и имитации предполагали еще большее стирание фактуры по сравнению с оригинальными произведениями, но до определенной степени подобное упрощение лишь содействовало усилению эстетической привлекательности, в основе которой лежала идея «гладкости».

Тиражируемые изображения напрямую воздействовали на представления о прекрасной внешности, формируя горизонт визуальных ожиданий. Но в то же время к началу XX века возникли прецеденты негативных оценок подобных образов, именно в силу их массового характера. С этого момента само понятие эталона, канона начинает проблематизироваться (сначала авторами, которых можно отнести к художественному «авангарду», но вскоре и в изданиях для широкой

аудитории), и центральной для представлений о красоте, по крайней мере в теории, становится идея индивидуальности.

В четвертом разделе («*Конструкция безобразного*») рассматриваются основные принципы отсеивания антиэстетического. Поскольку, как было показано в предыдущем параграфе, эстетизация объекта в живописи и в макияжных практиках была связана со сглаживанием контрастов, «безобразное» подразумевало непримиримые противоречия. Логика исключения из сферы эстетического отсылает к базовым для культуры рубежа веков оппозициям, таким как живое/мертвое, естественное/искусственное, цивилизованное/дикое.

В каждой из упомянутых оппозиций негативные значения закреплены за одним из членов, однако в диссертации предпринимается попытка показать, что «безобразное» представляет собой визуальный эффект, связанный именно с наложением противопоставляемых категорий. Существенный момент заключается в том, что вне подобной антитезы ее элементы не имеют устойчивых коннотаций, более того, могут менять «полярность». Так, понятие «природы» обладает очевидно положительным смыслом в паре естественное/искусственное, однако может оцениваться противоположным образом в составе оппозиции дикость/цивилизация или человек/животное.

Образ маски, наиболее часто используемый для указания на «безобразное», отражает неотъемлемую для этого понятия двойственность. Вместе с тем он раскрывает условность конструкции антиэстетического: ведь явленной, как правило, оказывается лишь одна часть оппозиции, в то время как другая лишь подразумевается. Поэтому ключевая роль в обнаружении «безобразного» принадлежит настройке взгляда наблюдателя, его изначальной установке.

Тем не менее, в отдельных случаях эта ментальная конструкция испытывала непосредственное влияние внешних условий: так, смена керосинового освещения газовым, а затем электрическим породила ситуации

перенастройки взгляда, когда в качестве «безобразного» начало опознаваться то, что прежде не нарушало конвенций «естественности».

Пятый раздел («Дискурсивность зрения: цвет и красота») специально посвящен такому аспекту восприятия внешности как цвет. Это понятие также обнаруживает культурно-историческую подвижность, находясь в зависимости как от материальных условий визуального контакта, наподобие типа освещения, так и от нормативных представлений эпохи.

Цвет играл важную роль в конструкции привлекательности рассматриваемого периода, что подчеркивается во многих источниках. Как и многие другие черты внешности, оттенки кожи подлежали физиогномическому истолкованию. По этому признаку считалось возможным получить сведения о возрасте, состоянии здоровья, образе жизни, роде занятий и характере человека. Таким образом, каждый оттенок цвета предположительно соответствовал определенному качеству или набору отличительных свойств. Добродетель коннотировалась белой кожей, и белизна лица неизменно называлась в числе неотъемлемых атрибутов красоты.

В середине XIX века требование белизны понималось вполне буквально: в моде были беспримесные белила и белая пудра. Красивый цвет лица должен был быть в первую очередь ровным, и этому критерию лучше всего отвечал чистый белый тон, остальные же цвета рассматривались как составные, не обладающие надлежащей однородностью. Кроме того, в этот период можно наблюдать стремление завуалировать неудобную телесную природу, уподобив видимую поверхность тела произведению искусства — мраморной статуе или фарфоровой фигурке. К началу XX века в силу вступает противоположная тенденция — «реабилитация» телесности. В массовой эстетике на первый план выходит более «живая» и чувственная красота. Идеальная «белизна» кожи, по-прежнему занимающая ключевое место в конструкции привлекательности, приобретает все более условный

характер: белила разбавляются кармином и охрой, приобретает популярность розовая пудра, начинают активно использоваться румяна.

На рубеже веков в декоративной косметике появляются цвета, не имеющие аналогов в «естественной» палитре лица, а значит, и физиогномических интерпретаций. В первую очередь обращает на себя внимание ярко-синий тон, который начал использоваться в гриме глаз, — и в то же время занял важное место на палитре живописцев, появился в театральных костюмах и модных нарядах. Тем самым намечался постепенный переход в восприятии лица от физиогномики к чисто эстетическому любованию, а также тенденция к превращению лица в объект моды.

В шестом разделе (*«Канон красоты и коммерческая культура»*) рассматривается процесс вовлечения практик ухода за собой в сферу моды и коммерческой культуры. Во второй половине XIX века для модного поведения и доминировавшей в городской культуре буржуазной эстетики ключевое значение имел императив умеренности и экономии. Умение самостоятельно готовить косметические средства, наряду с основами рукоделия, позволявшими если не полностью создавать, то поддерживать гардероб, играло немаловажную роль в жизни женщины, так как именно от подобных навыков в значительной степени зависела ее социальная презентабельность — неотъемлемая составляющая идеи «красоты».

К началу XX века подобное отношение постепенно уступало расточительному потреблению, которое являлось одновременно статусным знаком и источником удовольствия. Возникшее в этот период изобилие фабричной продукции всех видов заставляло казаться излишними усилия, связанные с самостоятельным изготовлением тех же предметов. Однако применительно к косметической продукции было недостаточно наполнить рынок готовыми изделиями, необходимо было также сформировать положительный образ производителя. Одним из основных способов решения этой задачи стала просветительская деятельность — издание всевозможных

информационных брошюр и руководств, в первую очередь адресованных женской аудитории и отвечающих на злободневные для нее вопросы. Язык подобных публикаций, в силу стоящего за ними специфического заказа, оказывался неразрывно переплетен с дискурсом рекламы, которая, таким образом, приобретала авторитет в качестве источника представлений о норме.

Функция театра в качестве эталона поведения и вкуса способствовала утверждению представителей сценической профессии, в первую очередь, достигших известности и признания, в статусе лидеров моды и экспертов в вопросах красоты. В диссертации подробно анализируется один из первых и наиболее ярких примеров участия актрис в рекламной кампании — альбом «Наши артистки», изданный Товариществом провизора А.М.Остроумова. Изучение этого источника подтверждает отсутствие четко установленной границы между театральным гримом и повседневными косметическими практиками, и шире — сценическим действием и социальным спектаклем. Основной рекламной стратегией, используемой в альбоме, является будто бы случайное раскрытие широкой публике секретов красоты и успеха, которыми артистки делятся друг с другом. При этом немаловажным представляется тот факт, что, хотя в текстах издания немало отсылок к романтическим сценариям, парфюмерии и косметике в первую очередь приписываются значения, связанные с профессиональной самореализацией, вдохновением и творческим началом, — что согласуется с рассмотренными в первом разделе изменениями социальных ролей и ожиданий женщин.

Совокупность проведенных разысканий позволяет выявить дискурсивный характер представлений о красоте, которые оказываются опосредованы, с одной стороны, визуальными конвенциями, связанными с живописным и театральным каноном изобразительности, а с другой авторитетными текстами и системами (псевдо)научного знания. Социокультурная среда большого города способствовала стандартизации идеалов привлекательности и в то же время созданию новых

дифференциаций, причем внешность мыслилась все более пластичной, отражая растущую социальную мобильность.

Во Второй главе («От «опрятности» к «гигиене»: стандарты чистоты») анализируется моделирование тела, связанное с идеями чистоплотности и гигиены. Эти понятия не являются взаимозаменяемыми, а принадлежат разным порядкам нормативности: в первом случае речь идет об этикете, социальной благопристойности, во втором мы имеем дело с медицинскими предписаниями. Тем не менее, в рассматриваемый период они сближаются и занимают центральное место в общественных дискуссиях. Предпосылки и условия подобной конвергенции, а также внутренняя структура и первоначальные контексты бытования требований гигиены и чистоплотности выступают основным предметом рассмотрения.

Первый раздел («Чистота в различных моделях телесности») посвящен чистоплотности как социальному требованию. Представления о степени ухоженности, подобающей для публичной самопрезентации, и способах ее поддержания обнаруживают значительную вариативность не только от периода к периоду, но и от сословия к сословию. В параграфе в основном рассматриваются конструкции «опрятности», связанные с телесностью аристократа и буржуа, но также затрагиваются обыкновения чистоплотности в быту других социальных слоев.

В аристократической модели социальная презентабельность достигалась путем создания декоративной поверхности при помощи сложного костюма, парика и пудры. Такую технику можно назвать скрывающей, маскирующей; в противовес этому, буржуазная чистоплотность строилась вокруг отказа от искусственного приукрашивания, стремления устранить любые препятствия на пути к восприятию «подлинной» наружности.

В обоих случаях критерии чистоплотности тесно связаны с ценностями разделяющей их группы, отражают присущие ей специфические структуры нормальности. Относительность подобных представлений, и в то же время их идеологическая нагруженность подтверждаются тем фактом, что каждой

стороной по отношению к другой выдвигались обвинения в неопрятности. Культурное противостояние, выраженное в соперничестве конструкций чистоплотности, разрешилось в пользу буржуазной модели, ассоциировавшейся с ценностями прогресса, рациональности, порядка и дисциплины, а также подкрепленной растущим экономическим и политическим влиянием буржуа.

Во втором разделе («*Археология*» идеи «*личной гигиены*»») рассматриваются истоки современной идеи гигиены и практик, описываемых как гигиенические. Обнаруженные исторические прецеденты имеют весьма разнородный характер, значение образующих их понятий и действий с течением времени претерпевало существенные изменения.

Термин «гигиена» охватывал весь спектр мер по укреплению здоровья и предотвращению заболеваний, и в рассматриваемый период только начинал увязываться с чистотой. При этом в первую очередь речь шла о чистоте помещений и воздуха в них, тогда как телесная чистоплотность интересовала медицинских специалистов и социальных реформаторов в значительно меньшей степени. Как было показано выше, она находилась в ведении экспертов по этикету, а привычными средствами ее поддержания выступала, например, пудра или жировые составы, в то время как мыло и вода имели совершенно иной статус и функции.

Туалетное мыло до конца XIX века обладало элитарными коннотациями предмета роскоши и использовалось в основном для ароматизации и смягчения кожи — как парфюмерно-косметическое средство. Таким образом, оно могло связываться со структурами опрятности (прежде всего, в аристократической модели), но не с гигиеной. Водные же процедуры, напротив, ассоциировались со здоровьем, но не с чистоплотностью: ванна, душ, обтирания воспринимались в первую очередь как гидротерапевтические инструменты.

Многовековая традиция гидротерапии способствовала росту доверия к воде и укреплению ее символического авторитета. Поэтому в условиях

складывания социального порядка, связанного с доминированием буржуазных ценностей и предопределявшего повышенное внимание в чистоте, вода закономерным образом превратилась в одно из основных средств ее поддержания. Естественнонаучные и медицинские обоснования использования воды в этом качестве и значения чистоты для здоровья возникли как позднейшая рационализация уже сложившихся обыкновений. Усиливая действие социального требования чистоплотности, они в то же время маскировали его природу доводами «объективной» необходимости.

Если прежде идея чистоплотности, или опрятности, регулировала отношения внутри определенных социальных групп и способствовала укреплению их границ, то гигиена определяла параметры «чистого» и «грязного» применительно к универсальной модели телесности. Тем самым и социально-политические смыслы, имплицитно связанные с локализацией «нечистого» — источников опасности, угрозы существующему порядку, — и определением способов борьбы с ним, приобретали универсальность, охватывая общество в целом.

В третьем разделе (*«Гигиена волос: от сухой чистки к мытью»*) анализируется динамика изменений в практиках ухода за волосами, обусловленная появлением «научной» идеи чистоты. Гигиена волос представляет особый интерес для исследования в силу высокой репрезентативной значимости прически. Убранство головы выступало одним из основных индикаторов общего уровня ухоженности, важным знаком социального статуса, модным атрибутом и предметом эстетического любования. В условиях подобной «публичности» способы очищения и ухода за волосами и кожей головы были свободны от ореола стыдливости, окружавшего гигиену других частей тела. Неслучайно эта зона одной из первых привлекла внимание гигиенистов, обратившихся к проблемам телесной чистоплотности; на ней отрабатывались языки описания и дидактические риторики, впоследствии перенесенные на другие практики.

В конце XIX века основным средством ухода за волосами были всевозможные жировые составы. В текстах этого времени обычно подчеркивается их польза для волос, однако по меньшей мере столь же важным представляется визуальный эффект: жировые помады обеспечивали фиксацию прически, придавали ей объем и блеск, считавшийся одним из ключевых атрибутов привлекательности. Смазывание волос жиром также рассматривалось как процедура очищения, так как в свежем слое помады растворялся старый и собственные выделения кожи. Избыток жиров удалялся при помощи сухой чистки с использованием пудры и гребня.

Популяризация открытий из области микробиологии на рубеже веков привнесла в конструкцию зрения микроскопическую оптику: жирные помады начали восприниматься как питательная среда для болезнетворных бактерий, что привело к постепенному вытеснению этих средств опрятности мытьем. Для мытья волос в начале XX века широко использовались спирты и бензин, и позднейший отказ от них в пользу воды представляется возможным связать с ее особым символическим статусом, о котором говорилось ранее.

В четвертом разделе (*«Гигиеническая косметика: коммерциализация чистоты»*) рассматривается соединение медицинских и социально-репрезентативных критериев нормальности в практиках использования средств, объединенных под наименованием «гигиенической косметики», и языках их описания.

Производители парфюмерии и косметики играли важную роль в популяризации естественнонаучных и медицинских знаний, пропаганде гигиены и здорового образа жизни. В выпускаемых ими информационных брошюрах использование косметики увязывалось с гигиеническими процедурами, подчеркивались очищающие и защитные функции средств, которые прежде рассматривались в первую очередь как декоративные (ярким примером служит пудра). Таким образом парфюмерно-косметическая продукция, раньше обладавшая негативными коннотациями обманчивой иллюзии, представшая сомнительным инструментом соблазна,

приобретала социальную легитимацию. Все навыки ухода за собой, от гигиенических процедур до макияжа, описывались как связанные между собой и объявлялись знаком «культурности».

Гигиеническая пропаганда, осуществлявшаяся производителями парфюмерии и косметики, наряду с доводами науки и «здравого смысла» активно оперировала идеями красоты и удовольствия. Чистота начала описываться как необходимое условие внешней привлекательности, а средства для ее поддержания завоевывали популярность не в последнюю очередь благодаря приятному запаху и вкусу. Тем самым гигиенический прогресс в начале XX века оказывался напрямую связан с формированием общества потребления. Научные открытия и медицинские предписания могли выступать катализатором изменений телесных норм, включая стандарты чистоплотности, однако в основе их динамики лежала эволюция социальных требований.

Анализ, предпринятый во второй главе, позволяет сделать вывод о символической природе гигиенических предписаний. Современная идея гигиены наследовала социальному требованию «опрятности», отражавшему нормы и ценности отдельных сословий и очерчивавшему границы подобных общностей. В отличие от критериев чистоплотности, варьировавшихся от группы к группе, гигиенические стандарты выдвигались как универсальные, подкрепляясь доводами естественных наук и медицины. Тем не менее, за видимой объективностью требований гигиены скрывался все тот же базовый принцип разграничения «своего» и «чужого», что и в более древних моделях.

В Заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования поставленных проблем.

Столь разнохарактерные на первый взгляд параметры телесности как эстетические и гигиенические стандарты обнаруживают сходную природу в том, что отсылают к определенному социальному порядку и присущим ему ценностям. Историческая изменчивость телесных норм отражает динамику масштабных общественно-политических и экономических процессов: так, в

данной работе прослеживаются тенденции, связанные с переходом от словесного общества к обществу потребления.

Идея телесной нормы, выдвигаемая с эстетических, медицинских или каких-либо иных позиций, предполагает проведение достаточно жесткой границы между приемлемым и неприемлемым, а также выстраивание внутренних иерархий в этих областях. Подобное упорядочивание является одним из базовых механизмов культуры, производства значений и символических структур. Вместе с тем оно неразрывно связано с выстраиванием властных отношений, стратегиями дискриминации и репрессии.

Возможность принуждения к норме предопределяется наличием визуального контроля. Какие бы смыслы ни приписывались красоте и чистоплотности, эмпирически наблюдаемы были лишь их внешние знаки, которые и подвергались каталогизации и ранжированию. Классифицирующая работа взгляда предполагала его особую настройку, основанную на критериях нормы, — которые, тем не менее, воспринимались как «естественная» оптика. Подобная культурная опосредованность позволяет говорить о дискурсивности зрения: определенным образом сформированные обыденные представления определяли, что именно попадает в поле видимого и каким образом это воспринимается.

В этой ситуации закономерна постановка вопроса об источниках влияния на структуры визуального восприятия. В рассматриваемый период одну из ключевых ролей играло естественнонаучное и медицинское знание. Тем не менее, влияние научных открытий осуществлялось не напрямую, а через ряд текстов-посредников, от популярных брошюр и журнальных статей до руководств по этикету и художественной литературы. Первостепенное значение в качестве источника представлений о норме также имел театр, соединявший визуальные и вербальные медиа, и отражавший широчайший спектр знаний об обществе и человеке.

В начале XX века функцию трансляции и производства нормы отчасти переняла реклама, заимствовавшая многие экспертные и просветительские риторичекие. Каноны красоты и даже гигиенические стандарты испытали существенное влияние коммерциализации — что само по себе является показателем высокого уровня социальной мобильности: внешняя презентабельность была переосмыслена как капитал, в который можно и нужно вкладывать средства. Складывание индустрии красоты также свидетельствует о переходе к взгляду на внешность как на предмет сознательного моделирования, эффективность которого с точки зрения социальных требований рассматривалась как критерий «культурности».

Выводы работы представляются продуктивными для дальнейшего исследования проблематики телесности в культуре России XX века, особенно советской эпохи, непосредственно наследующей периоду, рассматриваемому в настоящей диссертации.

Основные положения настоящего исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Проблемы представления парфюмерии и косметики в музейных экспозициях // Вестник РГГУ. М.: РГГУ, 2007. Вып. 10. С. 267-276 (0,5 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

2. Поедание культуры: пищеварительные и гастрономические метафоры в советской публицистике 1920-х годов // Коды повседневности в славянских культурах: еда и одежда. СПб.: Алетейя, 2010. С. 410-421 (0,6 п.л.).
3. «Тон интриганов» и «хороший цвет лица»: краски театрального грима и канон красоты на рубеже XIX-XX веков // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Вып. 13. С. 171-198 (1,3 п.л.).
4. Тело на распутье: взгляды на чистое и грязное во второй половине XIX века // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2008. Вып. 7. С. 153-175 (1,2 п.л.).
5. Хворост в костер мировой революции: пионеры // Неприкосновенный запас. М.: Новое литературное обозрение, 2008. № 2 (58). С. 69-84 (0,8 п.л.).
6. «Я никогда не увлекалась косметикой»: советский опыт «искусственной» красоты // Неприкосновенный запас. М.: Новое литературное обозрение, 2007. № 4 (54). С. 142-156 (0,7 п.л.).
7. Триумф медицины: гигиена, парфюмерия и косметика советской эпохи // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2007. Вып. 3. С. 307-324 (0,9 п.л.).

Подписано в печать 23 ноября 2010 г.
Формат 60х90/16
Объём 1,0 п.л.
Тираж 100 экз.
Заказ № 261110330

Оттиражировано на ризографе в ООО «УниверПринт»
ИНН/КПП 7728572912\772801001
Адрес: г. Москва, улица Ивана Бабушкина, д. 19/1.
Тел. 740-76-47, 989-15-83.
<http://www.univerprint.ru>